

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Исторический факультет

Кафедра истории южных и западных славян

РЕЦЕНЗИЯ

на научно-квалификационную работу, выполненную в Отделе истории средних веков Института славяноведения РАН, аспиранта третьего курса, обучающегося по направлению «Исторические науки, археология», по специальности 07.00.03 «всеобщая история» (соответствующего периода), очной формы обучения

РИДЭЛЯ Ивана Петровича

по теме

«ИДЕЯ БОГОИЗБРАННОГО НАРОДА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ (ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ – РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ)»

Перед нами – проект работы на глубокую и вместе с тем насущную для многих исследователей тему, которая в предложенном сравнительном ракурсе еще не разрабатывалась подробно русскоязычными славистами. Выбранная Иваном Ридэлем тема звучит актуально не только в научном отношении, но в плане соответствия текущему интеллектуальному контексту, когда история идей стала полноправным элементом исторического исследования, а наработки на тему «протонационализмов» постепенно превращаются в общее место вслед за конструктивистской теорией. Иными словами, постановка темы видится мне во всех отношениях верной.

В то же время, слово «проект» для характеристики представленной работы выбрано неслучайно. На мой взгляд, она еще требует серьезных доработок как в формальном, так и в содержательном отношении.

Во-первых, предложенные характеристики источников и состояния историографии носят списочный характер и никак не реализуют основную цель этих обзоров – подтвердить научную актуальность наработок автора и реалистичность выполнения заявленных целей. За неимением авторского комментария возникают вопросы к подборке источников: например, почему используется одиозный текст т.н. Далимила, но не используется хроника Петра Житавского; почему автор использует хронику Мариньолы, но не хронику Энео Пикколомини, также близкого к кругу Карла IV? Полноценные вводные разделы исключили бы эти и многие подобные вопросы.

Во-вторых, хотелось бы прочесть больше о выборе и обосновании хронологических рамок исследования. Дело в том, что выбранные автором чешские и польские сюжеты не синхронны: чешская часть затрагивает XII-XVI вв., польская лишь начинается с XVI в. Обстоятельства и идейный климат этих эпох, конечно, различаются, поэтому необходим комментарий о том, почему автор счел эти два сюжета сравнимыми.

В-третьих, само содержание двух основных частей плохо сопоставимо друг с другом: если чешский раздел составлен по хронологическому принципу и должен раскрывать динамику развития мессианской идеи, то польская часть проработана скорее по тематическому принципу. Было ли это вынужденным замыслом автора за отсутствием серьезной динамики в польском сюжете или преследует какие-то еще цели?

Мне, в свою очередь, видится более выигрышный проблемный подход, использованный автором применительно к польским сюжетам. Кроме того, первую главу стоило бы облегчить, исключив чрезмерно подробное раскрытие темы богоизбранности власти (почти вся часть про эпоху Карла IV посвящена именно этому), либо, по меньшей мере, лучше увязав ее с темой богоизбранности народа.

В-пятых, по тексту работы и особенно в итоговом разделе очень не хватает пояснений о том, какие из мессианских идей и тем были продуктом именно западнославянских обществ, а какие – общее место мифа о

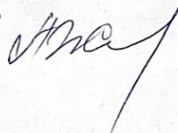
богоизбранности. В частности, оппозиция «свой – чужой» или противопоставление внешнему врагу – традиционные элементы конструирования тех или иных сообществ. В контексте представленной частной темы, на мой взгляд, было бы вернее отдельно осветить традиционные элементы мифа и отдельно (и главным образом) – те, что родились именно на чешской или польской почве.

Наконец, я бы порекомендовала автору еще раз обратиться к терминам, используемым в работе, особенно переводам и калькам. Если некоторым из них требуется скорее стилистическая правка («мессианский»/«мессианистский»), то употребление эпитета «богемский» и тем более «богемоязычный» как синоним «чешского» вызывает недоумение. Немецкое «böhmisch» традиционно описывает принадлежность к территории, в том же значении обычно употребляется калька «богемский». Зарубежная историография также трактует «богемскость», «богемский патриотизм» и прочие связанные явления как объединение географией, но не языком или «национальной» культурой. Если автор намерен пересмотреть недолгую, но все же худо-бедно укрепившуюся традицию, необходимо подробное разъяснение о том, какие термины встречаются в оригинальных текстах и почему выбран именно перевод «богемский/богемоязычный» в значении «чешский».

Перечисленные выше замечания, конечно, означают необходимость доработки существующего текста. Но даже несмотря на них, перед нами уже сейчас серьезное исследование, демонстрирующее квалификацию и необходимые навыки автора. К числу его самых сильных сторон я отнесу использование богатого спектра источников на двух славянских языках и латыни, а также саму компаративную составляющую (которую, тем не менее, стоило бы усилить). Автор явно хорошо эрудирован в самом контексте идеи богоизбранности и в основных текстах, к которым традиционно отсылают изученные им источники.

Подводя итоги, могу однозначно признать, что работа отвечает требованиям, предъявляемым к НКР, выносимым на защиту в рамках Государственной итоговой аттестации, и на текущем этапе заслуживает оценки «хорошо».

Научный сотрудник кафедры истории южных и западных славян
исторического факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова,
кандидат исторических наук

А.А. Ждановская

Подпись
закрываю

М.П.

« 7 » октября 2019 г.